

Се Линъян некоторое время хранил молчание.

— Господа, — Истинный владыка заговорил прямо, не тратя времени на пустые предисловия. — Когда рухнула Формация Великого Круга Светлого Владыки, орден Горы Неоставления уже отправил всех своих учеников в мир. Если нас нет в Долине Затяжного Ожидания, то лишь потому, что даже объединив все силы ордена, мы способны лишь удерживать позиции у входа в Бездну демонов, силой сохраняя шаткое равновесие с выжидающим Достопочтенным демонов.

В многоголосый гул, царивший под сводами дворцовой залы, внезапно вклинилась мертвая тишина.

Рассадка в зале разительно отличалась от той, что была в день, когда Ли Цинхэ явился с донесением о ходе битвы.

Се Линъян по праву занимал главное место. По левую руку от него расположились трое других Истинных владык, носивших титулы достопочтенных, по правую — остальные пять достопочтенных мира заклинателей.

Не хватало лишь Истинного владыки Цзинься. За вычетом него, здесь собрались все девять величайших мастеров, цвет нынешнего мира совершенствующихся.

Каждый из них поодиночке обладал могуществом, способным сокрушать горы и обращать вспять моря. Вознесенные над простым людом подобно небожителям, они казались недостижимыми — рядовой заклинатель за всю жизнь не удостоился бы и взгляда на их лики. Однако сейчас, собравшись под одной крышей и сокрыв свою подавляющую ауру, они выглядели почти как обычные люди.

Молчание затянулось. Первым его нарушил глава Даосского ордена Куньлунь, Ли Аньши.

— Владыка, — осторожно спросил он, — неужели воинство демонов столь же необоримо и грозно, как гласят предания тысячелетней давности?

Се Линъян медленно покачал головой.

Лица многих глав орденов мгновенно посветлели, но радость их была недолгой.

— За тысячу лет, проведенных в затворничестве в кровавом море Бездны, Достопочтенный демонов, боюсь, лишь приумножил свои силы, — ровно произнес Се Линъян. — Когда я видел его в последний раз, я был лишь юнцом на стадии заложения основ. И сейчас, перед лицом его непостижимого могущества, я испытываю то же самое бессилие, что и тогда.

Присутствующие оцепенели.

Что это значило? Поговаривали, что еще тысячу лет назад Достопочтенный демонов превзошел стадию Великого достижения и обрел золотое бессмертие. Выходит, давление, которое он тогда оказывал на едва начавшего путь ученика, ничем не отличается от давления, которое теперь ощущает сильнейший среди них — Первый достопочтенный?!

Лицо Се Линъяна сделалось суровым.

— Господа, я не шучу. Грядет битва, в которой решится судьба всего живого в трех мирах. Мой орден уже сделал свой выбор: мы готовы умереть. Даже если все мы до последнего человека костями ляжем в Долине Затяжного Ожидания, мы не позволим Достопочтенному демонов превратить само мироздание в плавильный тигель, чтобы переплавить наш мир ради собственного вознесения.

Его спокойные, но веские слова прозвучали подобно удару храмового колокола, расколовшему драгоценную яшму. Сердца присутствующих дрогнули.

— Ступайте и готовьтесь, — жестко оборвал он их мысли, не давая времени опомниться. — Через три четверти часа те, кто решится встать с нами плечом к плечу, выступят. Мы бросим на кон все наши силы и отправимся в Долину Затяжного Ожидания.

В зале воцарилась гробовая тишина — казалось, было слышно, как падает пылинка.

И сквозь это безмолвие прозвучал холодный, чистый голос Достопочтенного Меча Вопрошающего Небо. Он прозвенел, точно яшмовое било, брошенное на замерзшую гладь озера.

— Даосский орден Куньлунь выступит.

— Долина Десяти Тысяч Демонов, — Демонический достопочтенный Красного Лотоса поднялась во весь рост, ее чарующее, прекрасное лицо было сурово и решительно, — также примет бой.

Рядом с ней поднялся старец в просторном одеянии, расшитом мириадами сияющих звезд. Он мягко улыбнулся:

— Обитель Мириад Звезд готова выступить.

Словно искра, упавшая на сухой хворост, этот порыв мгновенно охватил весь зал. Искренне или притворно, но каждый наконец осознал: в этой войне нет иного исхода, кроме победы или смерти. Третьего не дано.

Те, кто не желал стать безвольными сосудами для чужого совершенствования и бессловесными рабами в руках демонов, понимали: у них осталось лишь два пути — победить или умереть.

Один за другим голоса сливались в единый громогласный клич. Зал вскипел, захлестнутый волной сурового воодушевления. Даже на вечно холодном, точно высеченном изо льда лице Достопочтенного Меча Вопросающего Небо проступила тень предвкушения грядущей битвы.

Лишь Се Линъян оставался недвижим. Сидя на возвышении, он опустил веки, мерно постукивая пальцами по рукояти хвоста-мухоловки. В его облике сквозила глубокая, затаенная скорбь, граничащая с полным равнодушием.

«Предначертанное Небом...»

Се Линъян безмолвно вздохнул в самой глубине своей души.

«Неужели его и вправду можно изменить?»

Ли Цинхэ с яростным остервенением опустил клинок, рассекая уродливую тварь надвое. Густая, пахнущая гнилью темно-синяя кровь брызнула веером, запятнав его одежду.

Долина Затяжного Ожидания казалась бесконечной. Эта исполинская расщелина, вспоровшая южные окраины срединных земель, была так глубока и широка, что даже заклинатели, парящие на мечях над ее бездонными кручами, невольно ощущали собственное ничтожество — мелкие песчинки, затерянные в бескрайнем безразличном мире.

Когда передовые отряды великих орденов рассредоточились по ущелью, они затерялись в этом каменном хаосе. В суматохе сражения порой невозможно было отыскать даже собственных собратьев.

Ли Цинхэ тяжело дышал, прижимая ладонь к раненому боку. Он ведь даже не успел сформировать золотое ядро.

И пусть он уже достиг пика заложения основ, а его учитель, Истинный владыка Цзинься, не раз твердил, что с его природным даром и должной стойкостью духа он непременно выплавит ядро как минимум седьмого ранга — все это оставалось лишь словами.

Пока ядра нет, разница в силе между ним и настоящими мастерами оставалась непреодолимой пропастью. Не будь Ли Цинхэ сыном главы Даосского ордена Куньлунь и личным преемником владыки Цзинься, в этой безумной бойне его судьбой стала бы участь безымянного пушечного мяса, гибнущего в первых рядах.

С тех пор как демоническое воинство хлынуло неодолимым потоком, в бой пришлось вступить старейшинам стадии Божественной трансформации и Слияния, а когда на поле боя показались великие защитники демонов, даже distinguished владыкам пришлось обнажить оружие.

И все же Ли Цинхэ упрямо стискивал зубы, продолжая сражаться в одиночку. Гордость или глупость двигали им, но он наотрез отказывался искать защиты у отца или укрываться за спинами старших соучеников.

Сквозь бесконечную череду дерущихся тел и сполохов заклинаний он изредка замечал издали фигуру отца, величественный силуэт шишу Цинъюэ и держащихся под их защитой Янь Тиншуана и Сяо Фэна. Под началом двух великих distinguished Куньлунь строй держался безупречно: среди всех сражающихся орденов их потери, уступая лишь воинам Горы Неоставления, были минимальными.

К их защитному куполу жались уцелевшие ученики мелких кланов и даже те крупные секты, с которыми Даосский орден Куньлунь прежде враждовал. Перед лицом неминуемой гибели прежние распри стерлись, уступив место единственному желанию — выжить любой ценой.

Но Ли Цинхэ был упрям до мозга костей. Покойный брат при жизни часто подшучивал над его твердолобостью. Если Цинхэ не желал быть частью этой толпы, никакая сила не заставила бы его сделать шаг назад под спасительное крыло ордена.

Но ради чего он упорствовал?

Какая разница, битва ли это богов и демонов или очередное опасное тайное царство? Суть одна: выживи и превзойди себя либо сгинь, обратившись в прах. Третьего пути нет.

Ли Цинхэ, с ног до головы покрытый чужой и собственной кровью, бросался в каждую схватку с безрассудной яростью. Он растрачивал драгоценную духовную силу, метался по полю боя, словно обиженный на весь мир ребенок, — лишь бы не признаваться самому себе в том, что его взгляд среди хаоса и смерти непрерывно ищет одну-единственную фигуру.

Где же Янь Фуи?

Куда подевался тот ослепительный гений, чьей силе завидовало все молодое поколение? Где теперь их старший брат, некогда так легко пообещавший защищать орден и всех живущих под этим небом? Куда исчезла та молчаливая, несокрушимая спина, за которой они всегда находили покой и спасение?

Стоило Ли Цинхэ вспомнить их последнюю встречу и то, как решительно и безвозвратно удалялся силуэт Янь Фуи, как виски пронзала невыносимая, острая боль.

«Неужели отец и шишу с их невероятной проницательностью действительно не знали, что Фуи тайно явился в Долину Затяжного Ожидания?»

«И те двое... На совете Тиншуан и Сяо Фэн так отводили глаза и жались по углам. Неужели они причастны к этому?»

«Должно быть, случилось нечто ужасное. Что-то, что заставило Янь Фуи так измениться... Почему он остался глух даже к моим робким попыткам удержать его? Почему смотрел с таким ледяным безразличием, когда я, переступив через собственную гордость, умолял его не уходить?»

Но следом в памяти Ли Цинхэ всплыли картины их позапрошлой встречи. Воспоминание о том, как он сам поступил с Янь Фуи, опалило душу стыдом и горечью.

Неужели он и впрямь не догадывался, почему Янь Фуи с таким отчаянием, не щадя жизни, оберегал то заброшенное ущелье? Неужели не знал, что оно как-то связано с его погибшим братом?

Знал. Разумеется, он все прекрасно знал.

<http://bllate.org/book/20278/2213744>